

И.В. СУРМА

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии МИД РФ; член-корреспондент РАЕН,
профессор Академии Военных Наук,
Россия, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА КАК ОСНОВЫ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В статье показано, что традиционный миропорядок стоит на пороге исторической трансформации и «взаимопонимание», в основе которого лежат не международное право и законы, а осознание соотношения сил и интересов, определяющих для большинства стран границы возможного и доступного, все активнее продвигается коллективным Западом как новая система мировых связей. Подчеркивается, что Североатлантический альянс, который подразумевался как основной инструмент реализации желаемого миропорядка, как силовая структура с этой функцией не справился. Отмечается, что сейчас происходит борьба за разделение сфер влияния основными геополитическими игроками, а ведущие международные организации, такие как ООН или ОБСЕ, потеряли свой авторитет, а международные переговорные площадки используются большинством стран, главным образом, для решения своих узкопрофильных интересов, но при этом остается огромное стремление к разрядке международной напряженности через диалог и сотрудничество в рамках различных объединений. Представлены возможные варианты реализации системы обеспечения международной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность, НАТО, G20, США, международные отношения, ЕС, Россия, Турция, международное право, ОБСЕ, Китай, Иран, миропорядок, геополитика.

С окончанием холодной войны и крушением однополярного мира человечество столкнулось с нарастанием конфликтности в межгосударственных

отношениях, вызванной борьбой за передел сфер влияния, появлением новых вызовов и угроз, новых политических и экономических субъектов и акторов. Конец прошлого века ознаменовался деформацией традиционного миропорядка, что вызвало необходимость в новых стратегиях межгосударственного взаимодействия. И если после окончания Второй мировой войны в международных отношениях реально или декларативно упор делался на отказ от применения силы, то к 90-ым годам, с нарастанием однополярности, США и их союзники приняли доктрину военно-политического экспансионизма как одну из актуальных форм межгосударственного противоборства и стали применять насильственное изменение мирового политического ландшафта. В этих условиях стоило бы многим вспомнить о прощальном обращении к нации президента Д. Эйзенхауэра [11], в котором не только говорилось о подъеме военно-промышленного комплекса Америки и его постоянном укреплении, но и подчеркивалась опасность утверждения власти денег, при которой вполне реальна перспектива окончательного подчинения американских ученых государственному диктату выделения средств под определенные проекты, которые зачастую оказываются абсолютно провальными.

Американский истеблишмент после окончания Второй мировой войны настолько утвердился в представлении о США как о безусловном мировом гегемоне, что отклонение от этой установки вызывало и вызывает яростное сопротивление. Хотя объективно для многих в американских коридорах власти было ясно, что долго так продолжаться не может. Поэтому возникла навязчивая имитация твердости амбиций и незыблемости идейных устоев, что не позволило снизить бремя «мирового гегемона» управляемым путем. В результате изумленный мир увидел ужасающие кадры бегства из кабульского аэропорта и все, что их сопровождало. Это было олицетворение конца эпохи. Президент Байден в своем выступлении, последовавшем за этими событиями, заявил, что Америка будет заниматься своими проблемами, обеспечивая свою безопасность в противостоянии со своими стратегическими соперниками – Россией и Китаем. Но менять мир США больше не собираются, хотя рецидивы еще возможны.

Выдвинутая Байденом задача «вернуться в привычное русло» [12], о которой он повторяет постоянно, на деле, как мы видим, означает не новый стратегический выход на глобальную арену, а «возвращение к решению домашних проблем». Тем не менее, Збигнев Бжезинский, известный американский стратег и автор внешнеполитического курса США в 1980-х годах, характеризует нынешний период как «стадию пост-гегемонии». А Ян Сюэту (Yan Xuetong) – эксперт-международник, сторонник реализма в теории международных отношений – и ряд других специалистов по вопросам геополитики убеждены в наступлении новой реконструкции гегемонии, при которой определяющим значением будет обладать уже взаимодействие

интересов России, Китая, Ирана, Турции и США [7]. В этот период реконструкции гегемонии весь мир нуждается в новой архитектуре безопасности. И она может быть основана только на политическом, культурном, экономическом и географическом плюрализме.

Путин В.В. заявил о стремлении ряда стран подменить существующую архитектуру безопасности. «В интересах сохранения своего доминирования некоторые страны последовательно стремятся подменить действующую глобальную архитектуру, опирающуюся на центральную роль ООН, неким порядком, основанным на правилах. Каких правилах? Кто эти правила придумал, непонятно» [10], – сказал он на заседании в формате BRICS+.

Президент России отметил, что попытки сдержать развитие государств, не готовых жить по таким придуманным кем-то правилам, безрасходное применение нелегитимных санкционных инструментов, усиленное во много раз последствиями пандемии коронавируса, лишь обострило кризисные явления в мировой экономике и в мировой политике. Поэтому в этих условиях разбалансировки системы международных отношений резко возросла потребность и актуальность сотрудничества и взаимодействия между странами, разделяющими общие ценности. Причем так или иначе это стало неизбежным итогом деятельности коллективного Запада по установлению, так называемого, либерально-демократического миропорядка и проведению планомерной политики по подрыву основ международного права и размыванию роли многосторонних институтов. Примером также может служить глобальная торговля и экономические споры, не учитывающие нормы и принципы ВТО. «Мы знаем, как развивалась ситуация в рамках этой организации в последние годы. Расшатывается вся международная валютно-финансовая система, рвутся производственные логистические и инвестиционные цепочки», – отметил В.В. Путин [10].

С другой стороны, порядок, основанный на правилах, как основной бренд коллективного Запада в последние годы [9], предполагает наличие и субъекта, кто их формулирует и контролирует исполнение. В годы холодной войны с ее четко структурированной конфронтацией эта функция лежала на двух сверхдержавах, после исчезновения одной из них она вроде бы перешла к оставшейся. Дальше случилось неизбежное – сил для утверждения правил, как их видел гегемон, в общемировом масштабе не хватило, институты, предназначенные для другой системы, перестали работать или стали давать

сбой.

НАТО подразумевалась как основной инструмент реализации желаемого порядка, но с этой функцией эта структура не справилась. Отсюда и возвращение к изначальной миссии – сдерживание Москвы, что придает некоторую стройность Североатлантическому альянсу. Китай, который до начала российской специальной операции на Украине предполагалось сделать

проблемой, столь же значимой, как и Россия, совершенно уже не тот и с ним все сложнее. Необходимый в таком случае уход в глобальное измерение у многих членов блока вызывает отторжение. Да и насущность китайской угрозы далеко не для всех стран очевидна. Идеологически НАТО базируется на противостоянии «свободного мира» авторитарным режимам, что безусловно требует включить Пекин в категорию противников. Геополитически альянс не готов распространяться на весь мир, то есть выходить за традиционную сферу ответственности. Как следствие, все более активные действия США по формированию иных структур на Индийском и Тихом океанах, наиболее перспективная из которых *AUKUS*. Сугубо неформальное объединение, которое исходит не из норм, а из «понятий», но, поскольку в него включены только страны очень близкой культуры (англосаксонские), понятия есть, и они работают. Взаимопонимание, в основе которого – не законы, а осознание соотношения сил и интересов, определяющих для стран-партнеров границы возможного, все больше выглядит как новая система мировых связей.

Так вот как раз такая система, основанная на подобном «взаимопонимании», все больше продвигается Западом как новая система мировых связей. Например, Британия предложила новую архитектуру мировой безопасности, соответственно, без Российской Федерации. Лиз Трасс – глава МИД Великобритании – заявила, что «свободным странам» требуется объединить военную мощь и экономическую безопасность, создать новую архитектуру мировой безопасности, при этом, исключив Россию из группы G20 [4] и усилив на нее санкционное давление. По словам Лиз Трасс, архитектура безопасности, которая должна была гарантировать мир и процветание не сработала на Украине, а прежние структуры в области экономики и безопасности потеряли форму, а G20 «не может функционировать в качестве эффективного экономического органа, пока Россия находится за столом» [4] и нужен «новый подход, который объединит безопасность, обеспечиваемую боевой мощью, и экономическую безопасность, при котором будут созданы глобальные союзы, свободные страны будут более напористыми и более уверенными в себе, который признает, что геополитика вернулась» [4].

Президент США Джо Байден ранее подтвердил, что выступает за исключение России из группы «Большой двадцатки», но признал, что некоторые страны с ним в этом вопросе могут не согласиться: «G20 – это главный форум международного экономического сотрудничества. Ни один член «двадцатки» не имеет права лишать членства другую страну» [2]. На это со стороны России было заявлено, что США оказывают давление на страны G20 [5].

Поистине, прав Сергей Викторович Лавров подчеркивающий, что международные отношения сегодня переживают сильнейшие потрясения и происходит это «в результате неустанного стремления Запада всеми правдами

и неправдами, а скорее неправдами, сохранить свое доминирование в международных делах, подчинить себе все и вся и вернуть однополярный мир» [8]. А ситуация, в которой основное бремя и издержки конфликта, триггером которого стала Украина, несут на себе, прежде всего, Российская Федерация и ЕС, для США является наиболее благоприятной. Еще совсем недавно предполагалось, что относительно будущего мироустройства решающее слово будет Вашингтоном произнесено Пекину, поскольку США и КНР рассматривались как ключевые определяющие международные игроки. Но Россия, условно говоря, показала свои права на участие в данном процессе, фактически инициировав его основной раунд. Китай при этом, естественно, никуда не делся, но он в своей традиции предпочитает выждать окончания такого своеобразного российско-американского «общения». При этом Пекин, не стремясь к конфронтации с Соединенными Штатами и их союзниками, твердо отстаивает свои собственные национальные интересы и продолжает реализовывать ранее выдвинутые КНР глобальные инициативы. В этих условиях кризиса западнцентричного мироустройства Китай рассчитывает на усиление связей с развивающимися странами при сохранении и укреплении роли ООН и ооноцентричной модели миропорядка.

Тем не менее, ни Россия, ни Китай, ни Индия и ни Иран, например, не готовы связывать себя жесткими обязательствами в составе формальных союзов. А объединения и союзы, в которых небольшие страны просто следуют фарватеру крупного партнера, в современном неструктурированном и геополитически и геоэкономически нестабильном мире вряд ли могут соответствовать интересам этих самых небольших государств. Как показывает история, готовность крупных игроков на международной арене выполнять свои обязательства перед такими странами неочевидна, и никакая из этих стран не может быть в этом уверена.

Встреча трех глав государств России, Ирана и Турции, в том числе, является однозначным сигналом, что Запад обретает конкурента и теряет влияние в важных геополитических вопросах.

Эрдоган последовательно показывает, что, формально находясь в объединяющем Североатлантическом блоке, можно вести себя так, будто его не существует. Анкара прекрасно понимает, что разрыв с НАТО окажется крайне болезненным для обеих сторон. Для альянса потерять вторую по численности армию в наиболее важной и чувствительной части мира, возможно, даже хуже, чем для самой Турции утратить институциональную поддержку Североатлантического альянса. Поэтому Турция может позволить вести себя так, но, в конечном итоге, не провоцируя выход из блока. При этом НАТО возмущается, но всякий раз старается минимизировать конфликт. Возможность сохранять самостоятельные отношения с важными для Ближнего Востока и Средней Азии странами, к которым относится,

в том числе, и Россия, для Турции принципиально важна. С этой же точки зрения, можно рассматривать и отношения Владимира Путина с Реджепом Тайипом Эрдоганом или же, например, Биньямином Нетаньяху. Эти политические лидеры не являются единомышленниками, их не объединяют почти никакие общие интересы (зачастую их интересы, напротив, противоположны). Однако все они мыслят о политике в единых схожих категориях – например, сила, паритет интересов, понимание возможного ответного ущерба, возможно нестратегические, но крайне важные в данный конкретный момент договоренности, чей срок действия может быть краткосрочен. И, как ни странно, но это работает и работает достаточно эффективно. Например, Астанинский формат действует уже несколько лет, хотя его участники порой преследуют совершенно разные цели в Сирии, а российско-израильские отношения сохраняются, несмотря на следующие один за другим кризисы в этих отношениях.

В своем интервью госсекретарь США Энтони Блинкен заявил, что: «Если позволить России делать то, что она делает, это будет означать, что мы возвращаемся в мир, где кто сильнее, тот и прав, где большие страны могут запугивать маленькие» [3]. Здесь, прежде всего речь идет, как раз о кризисе того самого «порядка, основанного на правилах», на место которого приходит силовой беспредел и, который, собственно говоря, в традициях самих Соединенных Штатов по отношению к небольшим государствам. Вызывает озабоченность уверенность США и его партнеров и желание вернуть мир в прежнее состояние под свое влияние и в рамках собственных альянсов и объединений, что, в общем-то будет невозможно уже даже по политико-экономическим структурным причинам. Нежелание признать этот факт, влечет за собой не выравнивание и стабильность в мировой политике, а, наоборот, затягивает и усугубляет кризис международной безопасности. Со всеми этими железными аргументами и важными аспектами, которые справедливо отметил и подробно изложил в своей недавней публикации главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов [9] стоит согласиться.

Так или иначе нынешний миропорядок подлежит концептуальному переформатированию, так как международная архитектура безопасности уже разрушена, об этом справедливо заявил госсекретарь Совета безопасности Беларуси Александр Вольфович на открытии выставки «Национальная безопасность. Беларусь-2022» [6], и подчеркнул, что сейчас идет борьба за разделение сфер влияния основными геополитическими игроками, а ведущие мировые структуры, такие как ООН, ОБСЕ и др., существенно потеряли свой авторитет, при этом все международные переговорные площадки используются некоторыми странами, главным образом, для решения своих узкопрофильных интересов, но стремление стран к разрядке

напряженности посредством диалога и сотрудничества в рамках различных объединений остается фактом.

Исходя из современных тенденций, можно выделить, как минимум три возможных варианта реализации системы обеспечения международной безопасности [1]. Сторонники первого, считают невозможным создание аналога Европейского союза или Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Во втором варианте предполагается, что возможно создание (или развитие уже имеющейся) интеграционной группы в качестве лидирующей, включающей основных акторов. Последователи третьего варианта считают, что сначала необходимо развивать интеграцию и способствовать установлению устойчивой обстановки в рамках отдельных субрегионов, а далее развивая диалоги в масштабах всего региона, постепенно продвигаться к формированию многополюсной региональной и в конечном итоге глобальной архитектуры безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аникин В.И., Абдеев Р.Ф., Сурма И.В. Философские аспекты информационной цивилизации и современные проблемы управления в ракурсе глобальной безопасности // Вопросы безопасности. 2017. № 2.
2. Байден выступил за исключение России из G20 // <https://vz.ru/news/2022/3/24/1150302.html>.
3. Блинкен утверждает, что РФ и КНР бросили вызов существующему миропорядку // <https://news.rambler.ru/world/48980806-blinken-utverzhaet-chto-rf-i-kr-brosili-vyzov-suschestvuyuschemu-miroporyadku/>.
4. Британия предложила новую архитектуру мировой безопасности без России // <https://news.rambler.ru/conflicts/48564746-britaniya-predlozhila-novuyu-arhitekturu-mirovoy-bezopasnosti-bez-rossii/>.
5. В Кремле заявили о поддержке России рядом стран G20 // <https://vz.ru/news/2022/3/23/1150018.html>.
6. Вольфович: архитектура безопасности в мире разрушена, растет число угроз // <https://sputnik.by/20220622/volfovich-arkhitektura-bezopasnosti-v-mire-razrushena-rastet-chislo-ugroz--1063950074.html>.
7. Кривохиж С., Соболева Е. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 11.
8. Лавров назвал иллюзиями попытки стран Запада вернуть однополярный мир // <https://iz.ru/1310478/2022-03-25/lavrov-nazval-illuziiami-popytki-stran-zapada-vernut-odnopolarnyi-mir>.
9. Почему сегодня невозможно создать похожие на НАТО альянсы // <https://globalaffairs.ru/articles/pohozhie-na-nato-alyansy/>.

10. Путин заявил о стремлении ряда стран подменить архитектуру безопасности // <https://iz.ru/1354890/2022-06-24/putin-zaiavil-o-stremlenii-riada-stran-podmenit-arkhitekturu-bezopasnosti>.

11. Dwight D. Eisenhower. Farewell Address Обращение к Нации // <https://www.americanrhetoric.com/speeches/dwightdeisenhowerfarewell.htm>.

12. Joe Biden's plan to "build back better" for American workers // Сайт «Байден-Харрис» // <https://joebiden.com/joe-bidens-plan-to-build-back-better-for-american-workers/>.

I.V. SURMA

*Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Public Administration
in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation; Ph.D. Corresponding
Member of the Russian Academy of Natural Sciences;
professor of the Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia*

FORMATION OF GEOPOLITICAL PLURALISM AS THE BASIS OF A NEW WORLD ORDER

The article shows that the traditional world order is on the verge of historical transformation and "mutual understanding", which is based not on international law, but on the awareness of the correlation of forces and interests that determine the boundaries of the possible and accessible for most countries, is increasingly being promoted by the collective West as a new system of world connections. It is emphasized that the North Atlantic Alliance, which was meant as the main instrument for the implementation of the desired world order, as a power structure failed to cope with this function. It is noted that now there is a struggle for the division of spheres of influence by the main geopolitical players, and leading international organizations, such as the UN or the OSCE, have lost their authority, and international negotiation platforms are used by most countries, mainly to solve their narrow interests, but at the same time a great desire to defuse international tension through dialogue and cooperation within the framework of various associations. Possible options for implementing the international security system are presented.

Key words: *International security, NATO, G20, USA, international relations, EU, Russia, Turkey, international law, OSCE, China, Iran, world order, geopolitics.*